

Стихи

Из книги «Сатиры»

ЛАМЕНТАЦИИ

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...

В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей:

Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.

Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

В книгах гений Соловьевых,
Гейне, Гёте и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.

На полотнах Магдалины,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин,
А вокруг — кривые спины
Мутноглазых Акулин.

Где событья *нашей* жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизни,
В нищете случайных крох.

Спим и хнычим. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем Бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.

И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.

В звуках музыки — страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.

Отчего? Молчи и дохни.
Рок — хозяин, ты — лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

1909

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу, как встарь,
И завопил тепло и вакханально:

«Весенний брак! Гражданский брак!
Спешите, кошки, на чердак...»

И кактус мой — о, чудо из чудес! —
Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днем прет из земли все пуще.

Зеленый шум... Я поражен:
«Как много дум наводит он!»

Уже с панелей смерзшуюся грязь,
Ругаясь, скальвают дворники лихие,
Уже ко мне забрел сегодня «князь»,
Взял теплый шарф и лыжи беговые...

«Весна, весна! — пою, как бард. —
Несите зимний хлам в ломбард».

Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дым и копоть,

Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! —
Я думал, что она не возвратится, —
Но... дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, черт возьми?

(1909)

АНАРХИСТ

Жил на свете анархист,
Красил бороду и щеки,
Ездил к немке в Териоки
И при этом был садист.

Вдоль затылка жались складки
На багровой полосе.
Ел за двух, носил перчатки —
Словом, делал то, что все.

Раз на вечере попович,
Молодой идеалист,
Обратился: «Петр Петрович,
Отчего вы анархист?»

Петр Петрович поднял брови
И, багровый, как бурак,

Оборвал на полуслове:
«Вы невежа и дурак!»
(1910)

ПОШЛОСТЬ

Пастель

Лиловый лиф и желтый бант у бюста,
Безглазые глаза — как два пупка.
Чужие локоны к вискам прилипли густо,
И маслянисто свесились бока.

Сто слов, навитых в черепе на ролик, —
Замусленную всеми ерунду, —
Она, как четки набожный католик,
Перебирает вечно на ходу.

В ее салонах — *все*, толпою смелой,
Содравши шкуру с девственных идей,
Хватают лапами бесчувственное тело
И рьяно ржут, как стадо лошадей.

Там говорят, что вздорожали яйца
И что комета стала над Невой, —
Любуюсь, как каминные китайцы
Кивают в такт под граммофонный вой.

Сама мадам наклонна к идеалам:
Законную двуспальную кровать
Под стеганым атласным одеялом
Она всегда умела охранять.

Но, нос сух любовно и сурово
В случайный хлам бесштемпельных «грехов»,

Она читает вечером Баркова
И с кучером храпит до петухов.

Поет. Рисует акварелью розы.
Следит, дрожа, за модой всех сортов,
Копя остроты, слухи, фразы, позы
И растлевая музу и любовь.

На каждый шаг — расхожий катехизис,
Прин-ци-пи-аль-но носит бандажи,
Некстати поминает слово «кризис»
И томно тяготеет к глупой лжи.

В тщеславном, нестерпимо остром зуде
Всегда смешна, себе самой в ущерб,
И даже на интимнейшей посуде
Имеет родовой дворянский герб.

Она в родстве и дружбе неизменной
С бездарностью, нахальством, пустяком.
Знакома с лестью, пафосом, изменой
И, кажется, в амурах с дураком...

Ее не знают, к счастью, только... Кто же?
Конечно — дети, звери и народ.
Одни — когда со взрослыми не схожи,
А те — когда подальше от господ.

Портрет готов. Карандашибросая,
Прошу за грубость мне не делать сцен:
Когда свинью рисуешь у саarya —
На полотне не выйдет belle Hélène¹.

(1910)

¹ Прекрасная Елена (*фр.*) — Ред.

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол.
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же бигус на обед, —
Но на всем какой-то новый свет...

Блещут икры полной прачки Феклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стекла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол.
Злые стекла свищут: эй, осел!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стертый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропьет свой четвертак!

Так пропьет, что небу станет жарко.
Стекла вымыты. Опять тоска и тишина.
Фекла, Фекла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнем весенних губ...

Квартирант и Фекла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты — народ, а я — интеллигент,—
Говорит он ей среди лобзаний. —
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
Я тебя, а ты меня — поймем...»

⟨1909⟩

ОТЪЕЗД ПЕТЕРБУРЖЦА

Середина мая, и деревья голы...
Словно Третья Дума делала весну!
В зеркало смотрю я, злой и невеселый,
Смазывая йодом щеку и десну.

Кожа облупилась, складочки и складки,
Из зрачков сочится скука многих лет.
Кто ты, худосочный, жиденький и гадкий?
Я?! О нет, не надо, ради Бога, нет!

Злобно содрогаюсь в спазме эстетизма
И иду к корзинке складывать багаж:
Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма,
Желтые ботинки, Брюсов и бандаж.

Пусть мои враги томятся в Петербурге!
Еду, еду, еду — радостно и вдруг.
Ведь не догадались думские Ликурги
Запрещать на лето удирать на юг.

Синие кредитки вместо Синей Птицы
Унесут туда, где солнце, степь и тиши.

Слезы увлажняют редкие ресницы:
Солнце... Степь и солнце вместо стен и крыш.

Был я богоуборцем, был я мифотворцем
(Не забыть панаму, плащ, спермин и «код»),
Но сейчас мне ясно: только тошнотворцем,
Только тошнотворцем был я целый год...

Надо подписаться завтра на газеты,
Чтобы от культуры нашей не отстать,
Заказать плацкарту, починить штиблеты
(Сбегать к даме сердца можно нынче в пять).

К прачке и в ломбард, к дантисту-иноверцу,
К доктору — и прочь от берегов Невы!
В голове — надежды вспыхнувшего сердца,
В сердце — скептицизм усталой головы.

1908

ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Семья — ералаш, а знакомые — нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмешь ли книжку — муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на север дикий
Понесло тебя на грех?

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска — я знаю — есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счесть.

Где наше — близкое, милое, кровное?
Где наше — свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

⟨1908⟩

ЗЕРКАЛО

Кто в трамвае, как акула,
Отвратительно зевает?
То зеваёт друг-читатель
Над скучнейшою газетой.

Он жует ее в трамвае,
Дома, в бане и на службе,
В ресторанах, и в экспрессе,
И в отдельном кабинете.

Каждый день с утра он знает,
С кем обедал Франц-Иосиф
И какую глупость в Думе
Толстый Бобринский сморозил...

Каждый день, впиваясь в строчки,
Он глупеет и умнеет:
Если автор глуп — глупеет,
Если умница — умнеет.

Но порою друг-читатель
Головой мотает злобно
И ругает, как извозчик,
Современные газеты.

«К черту! То ли дело Запад
И испанские газеты...»
(Кстати — он силен в испанском,
Как испанская корова.)

Друг-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь — в нем зловеще меркнет
Кто-то хмурый и безликий?

Кто-то хмурый и безликий,
Не испанец, о, нисколько,
Но скорее бык испанский,
Обреченный на закланье.

Прочитай: в глазах-гляделках
Много ль мыслей, смеха, сердца?
Не брани же, друг-читатель,
Современные газеты...

(1908)

СПОРЫ

Каждый прав и каждый виноват.
Все полны обидным снисхожденьем
И, мешая истину с глумленьем,
До конца обидеться спешат.

Эти споры — споры без исхода,
С правдой, с тьмой, с людьми, с самим собой,
Изнуряют тщетною борьбой
И пугают нищенством прихода.

По домам бессильно разбирайсь,
Мы нашли ли собственный ответ?
Что ж слепые наши «да» и «нет»
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши — жернова?
Или спор — особое искусство,
Чтоб, калеча мысль и теша чувство,
Без конца низать случайные слова?

Если б были мы немного проще,
Если б мы учились понимать,
Мы могли бы в жизни не блуждать,
Словно дети в незнакомой роще.

Вновь забытый образ вырастает:
Притаилась Истина в углу,
И с тоской глядит в пустую мглу,
И лицо руками закрывает...
(1908)

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодьем интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лятеет и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды.
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты,
Я больной, утомленный урод».

Смолк. А буря всё громче стучалась в окошко.
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

ОТБОЙ

За жирными коровами следуют тощие,
за тощими — отсутствие мяса.

Гейне

По притихшим редакциям,
По растерзанным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несется испуганный вой:

Отбой, отбой,
Окончен бой,
Под стол гурьбой!

Огонь бенгальский потуши,
Соси свой палец, не дыши,
Кошмар исчезнет сам собой —
Отбой, отбой, отбой!

Читали, как сын полицмейстера ездил по городу,
Таскал по рынку почтеннейших граждан за бороду,
От чего делать нагайкой их сек,
Один — восемьсот человек?

Граждане корчились, морчились,
Потом послали письмо со слезою в редакцию
И обвинили... реакцию.
Читали?

Ах, политика узка
И притом опасна.
Ах, партийность так резка
И притом пристрастна.

Разорваны по листику
Программки и брошюры,
То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.

Славься, чистое искусство
С грязным салом половым!
В нем лишь черпать мысль и чувство
Нам — ни мертвым ни живым.

Вечная память прекрасным и звучным словам!
Вечная память дешевым и искренним позам!
Страшно дрожать по своим беспартийным углам
Крылья спалившим стрекозам!

Ведьмы, буки, черные сотни,
Звездная палата, «черный кабинет»...
Всё проворней и всё охотней
Лезем сдуру в чужие подворотни —
Влез. Молчок. И нет как нет.

Отбой, отбой,
В момент любой,
Под стол гурьбой.
В любой момент
Индифферент:
Семья, горшки,
Дела, грешки —
Само собой.
Отбой, отбой, отбой!

«Отречемся от старого мира...»
И полезем гуськом под кровать.
Нам, уставшим от шумного пира,
Надо свежие силы набрать.
Ура!!

(1908)

НОВАЯ ЦИФРА

1910

Накрутить вам образов, почтеннейший?
Нанизать вам слов кисло-сладких,
Изысканно гадких
На нити банальнейших строф?
Вот опять неизменнейший
Тощий младенец родился,
А старый хрен провалился
В эту... как ее?.. В Лету.

Как трудно, как нудно поэту!..
Словами свирепо-солдатскими
Хочется долго и грубо ругаться,
Цинично и долго смеяться, —
Но вместо того — лирическо-штатскими
Звуками нужно слагать поздравленье,
Ломая ноги каждой строке
И в гневно-бессильной руке
Перо сжимая в волненье.

Итак: с Новою Цифрою, братья!
С весельем... то бишь с проклятьем —

Дешевым шампанским,
Цимлянским
Наполним утробы.
Упьемся! И в хмеле, таком же дешевом,
О счастье нашем грошовом
Мольбу к Небу пошлем,
К Небу, прямо в серые тучи:
Счастья, здоровья, веселья,
Котлет, пиджаков и любовниц,
Пищеваренье и сон —
Пошли нам, серое Небо!

Молодой снежок
Вьется, как пух из еврейской перины.
Голубой кружок
(То есть луна) — такой смешной и невинный.
Фонари горят
И мигают с усмешкою старых знакомых.
Я чему-то рад
И иду вперед беспечней насекомых.
Мысли так свежи,
Пальто на толстой подкладке ватной,
И лучи-ужи
Ползут от глаз к фонарям и обратно...

Братья! Сразу и навеки
Перестроим этот мир.
Братья! Верно, как в аптеке:
Лишь любовь дарует мир.
Так устроим же друг другу
С Новой Цифры новый пир —
Я согласен для начала
Отказаться от сатир!

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Из книги «Сатиры»

Ламентации	7
Пробуждение весны	9
Анархист	10
Пошлость. <i>Пастель</i>	11
Крейцерова соната	13
Отъезд петербуржца	14
Желтый дом	15
Зеркало	16
Споры	18
Интеллигент	19
Отбой	20
Новая Цифра. 1910	22
Бессмертие	24
Утешение («Жизнь бесцветна? Надо, друг мой...»)	25
Два желания	
1. «Жить на вершине голой...»	26
2. «Сжечь корабли и впереди, и сзади...»	26
Всероссийское горе	26
Совершенно веселая песня. <i>Полька</i>	28
Окраина Петербурга	30
На открытии выставки	31
Пасхальный перезвон	33

Ночная песня пьяницы	33
Городская сказка («Профиль тоньше камеи...»)	34
Европеец	36
Продолжение одного старого разговора	38
В редакции «толстого» журнала	47
«Смех сквозь слезы» (1809–1909)	49
Недоразумение	51
Нетерпеливому	53
Недержание	53
Юмористическая артель	53
«Молил поэта Блок-поэт...»	56
Честь	57
Вешалка дураков	
1. «Раз двое третьего рассматривали в лупы...»	58
2. «„Кто этот, лгущий так туманно...“»	58
3. «Ослу образованье дали...»	58
4. «Дурак рассматривал картину...»	58
5. «Умный слушал терпеливо...»	59
6. «Дурак и мудрецу порою кровный брат...»	59
7. «Пусть свистнет рак...»	59
⟨Из зеленой тетрадки⟩	
1. «Холодный ветер разметал рассаду...»	60
2. А. Рославлев	60
3. «Почему-то у „толстых“ журналов...»	60
4. Читатель	60
5. Стилизация	61
6. Тонкая разница	61
7. «Немало критиков сейчас...»	61
8. В альбом Брюсову	62
«Жестокий бог литературы!..»	62
Победа	63
Волк и баран (<i>Из Виктора Бушэ</i>)	65
Молитва	66

Веселая наглость	67
К Женскому съезду (<i>Декабрь 1908</i>)	69
Бульвары	70
На славном посту	71
Шкатулка провинциального «cabalero» (<i>Опись</i>)	73
На галерке (<i>В опере</i>)	73
Лошади	74
Из гимназических воспоминаний	76
Первая любовь	77
На музыкальной репетиции	79
На реке	80
Под сурдинку	81
Песнь песней. <i>Поэма</i>	83
Весна мертвецов	86
Бегство	87
В оранжерее	89
Экзамен	90
В усадьбе	92
Карнавал в Гейдельберге	93
Улица в южногерманском городе	95
Театр	96

Из книги «Сатиры и лирика»

В пространство	98
Санкт-Петербург	99
В Пассаже	100
У канала ночью	101
Бирюльки	102
В деревне	103
Консерватизм. <i>Миниатюра</i>	105
Пища	106
Сообщा	108
Пряник	108

Песня	109
Праздник («Гиацинты ярки, гиацинты пряны...»)	110
Рождение футуризма	111
Современный Петрарка	112
«Безглазые глаза надменных дураков...»	113
Русское	114
В детской	116
Анемоны	116
Несправедливость	117
Признание	119
«Любовь должна быть счастливой...»	119
Амур и Психея	120
Наконец!	121
Ошибка («Это было в провинции, в страшной глуши...»)	124
Факт	125
«Дурак»	126
Любовь не картошка. <i>Повесть</i>	128
Городской романс	131
В Александровском саду	131
На Невском ночью	132
В немецкой Мекке	
1. Дом Шиллера	133
2. Дом Гёте	134
3. На могилах	135
В ожидании ночного поезда	137
Философы	138
Рынок	138
Кельнерша	139
«В полдень тенью и миром полны переулки...»	140
«В чужой толпе...»	141
«Солнце жарит. Мол безлюден...»	142
В Крыму	143

Дождь	144
«Почти перед домом...»	145
Возвращение	145
«Еле тлеет погасший костер...»	146
Белая колыбель	147
Сумерки	148
На пруду	148
На санках с гор	149
«Неподвижно-ленивые кости...»	150
«Я конь, а колено — седельце...»	151
Зирэ	152
Пьяная песня	152
Тифлисская песня	153
Ленивая любовь	154
В Тироле	155
«На веранде кромешная тьма...»	157
Над морем	158
Лукавая серенада	158
На кладбище	160
Снегири	161
Из Флоренции	161
Осень в горах	162

Из книги «Жажда»

Песня войны	164
Сборный пункт	165
На фронт	166
Репетиция	167
На этапе	168
Солнце («На грязь вдоль панели...»)	168
«На берлинском балконе...»	170
Мираж	171
«Здравствуй, Муз! Хочешь финик?..»	172

«Тех, кто страдает гордо и угрюмо...»	173
Весна на Крестовском	174

*Стихотворения, не вошедшие
в сборники сатир и лирики*

«Пусть злое насилие царит над землей...»	176
Новогодние предсказанья	177
Жалобы обывателя	178
Слишком много	180
«Мы сжились с богами и сказками...»	181
«Эпохе черной нашей нужен...»	182
Воробышная элегия	183
«Консьержке дай и почтальону тоже...»	184
«Сатирикон» (Памяти Аркадия Аверченко)	185
Мой роман	188
Парижские частушки	
(«Ветерок с Бульвар-Мишеля...»)	190
У Сены	192
Ночные ламентации	192
Парижские частушки («Эх ты, кризис, чертов кризис!..»)	194

Стихотворения для детей

Детям	197
Приготвишка	198
Поезд	199
Цирк	200
Приставалка	203
На коньках	203
Жеребенок	204
Попка	205
Кто?	205
Сверчок	206
Лягушки	206
Зеленые стихи	207

РАССКАЗЫ

Люди летом	211
Друг	244
Иероглифы (<i>Неюмористический рассказ</i>)	258
Московский случай (<i>Рассказ обывателя</i>)	270
Самое страшное	282
Экономка	288
Изобретатели	295
Замиритель	302
Сырная пасха (<i>Рассказ эмигранта</i>)	308
Письмо из Берлина	314
Ракета (<i>Пасхальный рассказ</i>)	318
Клещ	322
Млечный Путь (<i>Назидательный рассказ</i>)	332
В лунную ночь	337
Настоящий буйабес	345
Кофе по-турецки	356
Свадьба под каланчой	364
«Тихое кабаре»	378
Комариные моши	386
Уютное семейство	394